

ОДИН ДЕНЬ

ДЕНЬ, КОГДА ОНА
НИКОМУ
НЕ БЫЛА НУЖНА

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

**День, когда она
никому не была нужна**

«Автор»

2026

Слоан Э.

День, когда она никому не была нужна / Э. Слоан — «Автор»,
2026

Всю жизнь Диана знала, кому и зачем она нужна. Мужу. Дочерям. Дому. Семье. А потом наступила обычная суббота, когда никто ничего от неё не хотел. Дочери выросли. Муж уехал играть в гольф. Телефон молчал. И впервые за много лет Диане пришлось остаться наедине с вопросом, который она слишком долго откладывала: А чего хочет она сама? Старый блокнот со списком забытых желаний, поездка к океану, случайный разговор с незнакомкой, жёлтые тюльпаны и первая за много лет попытка нарисовать что-то просто для себя превращают самый обычный день в точку, после которой уже невозможно жить совсем по-прежнему. «День, когда она никому не была нужна» — тёплая и узнаваемая история о взрослеющих детях, браке, материнстве и женщине, которая так долго заботилась обо всех остальных, что почти забыла спросить, чего хочет сама.

© Слоан Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Тихая суббота	5
ГЛАВА 2. Слишком много кофе	9
ГЛАВА 3. У каждого своя жизнь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдди Слоан

День, когда она никому не была нужна

ГЛАВА 1. Тихая суббота

Диана проснулась в 6:12.

Еще не открыв глаз, она потянулась к телефону на прикроватной тумбочке.

Не потому, что чего-то ждала.

Просто она всегда проверяла.

Может, сообщение от Эми. Пропущенный от Кейт. Напоминание из школы, с которым она забыла разобраться. Или вопрос от кого-нибудь, кому нужен телефон сантехника, рецепт запеканки, помощь с поездкой, одолжение или маленькая катастрофа, замаскированная под невинное «ты не занята?».

Экран загорелся.

Ничего.

Только время.

6:12.

Диана смотрела на цифры на секунду дольше, чем требовалось, потом осторожно положила телефон обратно, будто он нечаянно ее разочаровал.

Рядом спал Том — дышал ровно, спокойно, привычно.

За двадцать девять лет брака Диана выучила его утро почти по минутам: он проснется ровно через сорок три минуты.

Не через сорок.

Не через сорок пять.

Через сорок три.

Дважды прочистит горло, потянется за очками, спросит, какая сегодня будет погода, а потом скажет, что плохо спал, даже если всю ночь не пошевелился.

Его утро Диана знала лучше собственного.

Она выбралась из-под одеяла.

Пол охлаждал ступни.

Диана накинула кардиган и тихо пошла к двери, стараясь не разбудить Тома, хотя Том мог проспать грозу, мусоровоз и даже тот давний вечер, когда Кейт рыдала в коридоре после того, как сама подстригла челку ножницами для поделок.

Диана услышала ее сразу.

Разумеется.

Матери слышат даже то, что остальные умудряются проспать.

В коридоре было сумрачно.

Утро еще не добралось до окон второго этажа.

В конце коридора дверь в комнату Эми была открыта.

Дверь Кейт закрыта.

Ни одна из этих комнат уже много лет не принадлежала ребенку.

Эми теперь жила в Бостоне, в квартире с высокими окнами и диваном, который Диана видела только на фотографиях.

Кейт жила почти в трех часах езды и называла гостевую комнату у себя дома «кабинетом», хотя Диана по-прежнему представляла ее тринадцатилетней: на полу, среди пузырьков лака для ногтей и тетрадей по математике.

И все равно в голове Дианы эти комнаты не были гостевыми.

Не были свободными.

Никогда.

Это была комната Эми и комната Кейт.

Некоторые названия остаются, даже когда жизнь из них уже выехала.

Диана остановилась между двумя дверями.

На секунду ей захотелось открыть дверь Кейт.

Причины для этого не было.

Раньше ее это никогда не останавливало.

Но вместо этого она спустилась вниз.

Кухня встретила ее привычным порядком.

В последнее время — даже слишком.

Поддерживать его стало слишком легко.

Когда-то эта комната не могла продержаться чистой и двадцати минут. Рюкзаки на стульях. Обувь под столом. Круги от апельсинового сока на столешнице. Кто-то плачет над заданием. Кто-то смеется слишком громко. Кто-то стоит перед полным холодильником и заявляет, что дома нечего есть.

Диана когда-то мечтала о тихой кухне.

Теперь она у нее была.

Она налила воду в чайник.

Фильтр для кофе.

Молотый кофе.

Два куска хлеба в тостер.

Маленькая тарелка для Тома.

Тарелка побольше по привычке, хотя зачем, Диана и сама не знала.

Руки все делали сами, раньше, чем Диана успевала подумать.

За десятилетия заботы о других эти движения стали автоматическими.

За кухонным окном небо светлело до бледно-голубого. На клене спорили птицы. У соседского выезда лежала завернутая в пластик газета и ждала руки, которая привычно за ней потянется.

Диана открыла шкаф.

И достала четыре кружки.

Сначала пальцы сомкнулись на ручке синей.

Кружка Эми.

Потом желтая.

Кейт.

Потом серая, со сколом, Томова.

И ее собственная.

Диана так и замерла, неловко прижимая к груди все четыре.

Четыре.

Несколько секунд она не двигалась.

Потом поставила две обратно.

Медленно.

Синюю.

Желтую.

О дерево они стукнулись совсем тихо, но внутри этот звук отозвался неожиданно тяжело.

Четыре кружки ей не были нужны уже много лет.

Не в обычную субботу.

Только если кто-нибудь приезжал.

Если кому-то нужно было постирать вещи, спросить совета, поплакать, съесть ее куриный суп или получить ту особую дозу маминой заботы, которую взрослые дети снова начинают принимать, когда жизнь достаточно сильно их приложит.

Диана отнесла к столу две кружки.

И остановилась.

Она не могла вспомнить, когда в последний раз выбирала кружку для себя — не потому, что остальные уже разобрали свои, а просто потому, что эта нравилась ей больше.

Зато прекрасно помнила предпочтения остальных.

Том любил серую, потому что она была огромной, некрасивой и ее почти невозможно было опрокинуть.

Эми любила синюю. Говорила, что из синей кофе вкуснее. Никакого смысла в этом не было, но когда Эми было семнадцать, Диану это почему-то ужасно умиляло.

Кейт присвоила желтую, потому что она «веселая», хотя как раз тогда целый год носила исключительно черное.

Диана посмотрела на свою кружку.

Белая, простая, практичная.

Она купила их набором из шести штук.

Ну конечно.

Чайник шелкнул.

Диана вздрогнула.

Сначала налила кофе Тому.

Потом себе.

Теплый знакомый запах разошелся по кухне. С ним дом будто снова становился обитаемым.

Почти.

Она села за стол.

Четыре стула.

Две кружки.

Одна бодрствующая женщина.

Над чашкой поднимался пар. За окном мир приступал к своим обычным делам. Проехала машина. Один раз гавкнула собака. Где-то поднялись ворота гаража.

Диана обхватила кружку ладонями.

Много лет каждое ее утро начиналось со списка.

Ланчи.

Разрешения для школы.

Врачи.

Продукты.

Химчистка Тома.

Проект Эми по естествознанию.

Потерянные футбольные бутсы Кейт.

Письмо учителю.

Просьба соседки.

Открытка ко дню рождения, которую обязательно нужно отправить до вторника.

Еще до завтрака кому-нибудь обязательно что-нибудь было нужно.

Кто-нибудь обязательно придавал дню форму.

Сегодня утром формы не было.

Только время.

Свободное, тихое и почему-то обвиняющее.

Диана отпила кофе.

Слишком горячий.
Она все равно проглотила.
Напротив пустовал стул — спокойно и терпеливо, как умеет только мебель.
Диана посмотрела на соседний.
Потом на тот, что стоял у окна.
На мгновение она так сильно заскучала по шуму, что ей самой стало неловко.
Не по хаосу.
Не совсем.
По доказательству.
Доказательству того, что ее жизнь имела смысл еще до того, как она успевала почистить зубы.
Телефон лежал на столешнице.
Молчал.
Том спал наверху.
Дочери жили своими жизнями.
Никто ее не забыл.
Никто ее не бросил.
Никто не сделал ничего плохого.
Именно поэтому спорить с этой тишиной было особенно трудно.
Диана опустила глаза к кофе.
Впервые за много лет она не могла назвать ни одного человека, которому была нужна до завтрака.
И совершенно не представляла, что делать с утром, которое принадлежало только ей.

ГЛАВА 2. Слишком много кофе

Том спустился вниз в 6:58.

Диана услышала его раньше, чем увидела.

Медленные тяжелые шаги по лестнице.

Тихое покашливание на середине пути.

Пауза у зеркала в коридоре, где он каждое утро оценивал, нужно ли бриться, и по субботам почти всегда приходил к выводу, что нет.

Потом он появился в дверях кухни в старом темно-синем халате и с выражением лица человека, который пережил еще одну ночь сна и остался ею слегка недоволен.

«Доброе утро».

«Доброе».

Сначала он подошел к окну и выглянул на задний двор.

Трава все еще была мокрой. Гортензии у забора тяжело клонились к солнцу. На верхней перекладине сидела белка с таким видом, будто недвижимость наконец-то официально переписали на нее.

«Дождь обещали?» — спросил Том.

«Только вечером».

«Хорошо».

Он подошел к столу и опустился на свой стул.

Именно свой.

Тот, что стоял лицом к окну.

Диана никогда не назначала его Тому. За годы он просто стал его, как вещи в доме незаметно переходят во владение того, кто пользуется ими достаточно долго.

Диана встала и налила ему кофе.

Том взял кружку, даже не подняв глаз.

«Спасибо».

Он сказал это совершенно нормально.

В этом и заключалась сложность.

Том не был жестоким.

Не был холодным.

Он благодарил ее. По четвергам выносил мусор. Заправлял ее машину, если замечал, что бензин заканчивается. Сидел рядом, когда ее мать лежала в больнице, когда обе дочери переживали разбитые сердца, когда затопило подвал, на двух похоронах и в ту ужасную зиму, когда их пес Скаут перестал подниматься по лестнице.

Том был хорошим человеком.

Просто не из тех, кто замечает каждую тишину.

Он один раз размешал кофе.

«Спала нормально?»

«Нормально».

Диана понятия не имела, правда ли это.

«Нормально» давно стало одним из тех удобных слов, которые женщины носят в кармане для разговоров, где настоящему ответу просто нет места.

Том кивнул.

«Хорошо».

И потянулся за тостом.

Несколько минут они завтракали в той тишине, которая когда-то казалась уютной, потому что наступала после шума.

Теперь за ней следовала только новая тишина.

«Гольф все еще в восемь?» — спросила Диана.

«В восемь тридцать. Но Рик хочет приехать пораньше».

«Ну конечно».

Том едва заметно улыбнулся. «Он считает, что растяжка помогает».

«Может, и помогает».

«Не в его исполнении».

Диана улыбнулась в ответ.

Если уместить их брак в одну короткую сцену, получилось бы примерно так.

Не несчастный.

Не драматичный.

Не разрушенный.

Небольшой обмен репликами о тостах, гольфе и человеке по имени Рик, который неправильно делает растяжку.

Том посмотрел на часы.

«Мне пора собираться».

Уже?

Слово возникло в голове раньше, чем Диана успела его остановить.

Она встала вслед за ним.

«Я вчера положила твою бутылку с водой в холодильник».

«Спасибо».

«И синий пуловер чистый. Сегодня будет ветрено».

«Отлично».

«Крем от солнца в шкафчике в коридоре, если понадобится».

Том посмотрел на нее поверх кружки.

«Диана, я еду играть в гольф, а не пересекать пустыню».

«Я знаю».

И все равно направилась к шкафчику.

Он тихо рассмеялся.

Без злости.

«Сядь. Я способен найти солнцезащитный крем».

Способен ли?

Разумеется.

Ему было шестьдесят, а не шесть.

Он руководил людьми, платил налоги, ездил в метель, разбирался со страховыми случаями и однажды починил туалет наверху по ролику на YouTube, причем с уровнем уверенности, который Диана до сих пор считала чрезмерным.

Но что-то внутри Дианы по-прежнему не верило, что взрослый человек способен выйти из дома без ее подготовки к погоде, голоду и любой возможной бытовой неприятности.

Она остановилась в коридоре.

Ладонь лежала на ручке шкафа.

Том подошел сзади и поцеловал ее в висок.

«Вернусь примерно к пяти».

«Хорошо».

«Может, к шести, если Рик захочет потом поужинать».

«Хорошо».

«Тебе что-нибудь нужно, пока меня не будет?»

Вопрос повис между ними.

Нужно.

Такое короткое слово.
Такое знакомое.
Диана почти дала привычный ответ.
Нет, у меня все нормально.
Но что-то внутри сопротивлялось.
Не потому, что ей действительно что-то было нужно.
Просто внезапно захотелось узнать, что произойдет, если однажды понадобится.
Она повернулась к нему.
Том ждал с ключами в руке. Мыслями он уже был где-то между гаражом, прогнозом погоды и расписанным днем.
«Нет», — сказала Диана. «У меня все нормально».
Вот оно снова.
Удобное маленькое слово.
Том удовлетворенно кивнул.
«Попробуй сегодня отдохнуть».
Он сказал это доброжелательно.
Диана знала, что он именно это и имел в виду.
И все же фраза легла как-то неправильно.
Попробуй отдохнуть.
Будто отдых был еще одним поручением.
И его тоже можно было выполнить недостаточно хорошо.
«Попробую».
Том вышел через гараж.
Ворота с гулом поползли вверх.
Холодный утренний воздух просочился на кухню и обвил ее щиколотки.
Через минуту гараж снова закрылся.
Дом затих.
Диана осталась стоять неподвижно.
Тишина после ухода Тома отличалась от той, что была до его пробуждения.
Тогда она чего-то ждала.
Теперь ждать было некого.
Диана вернулась на кухню.
Две тарелки.
Две кружки.
Полоска масла на ноже Тома.
Несколько крошек возле его стула.
Она убрала со стола, сполоснула тарелки, протерла столешницу.
Потом потянулась к кофейнику.
Он был почти полный.
Диана уставилась на него.
Она сварила кофе на четверых.
Снова.
Не потому, что четверо должны были прийти.
Не потому, что кто-то попросил.
Просто ее руки все еще жили в доме, которого больше не существовало.
В полном доме.
Шумном доме.

В доме, где кофе исчезал быстро, полотенца пропадали из ванной, кому-то постоянно была нужна машина, а на каждой поверхности копились доказательства того, что здесь живут люди.

Диана подняла кофейник.

Темный кофе качнулся за стеклом.

Слишком много.

Такая мелочь.

Ошибка, которую никто бы не заметил.

Но Диана заметила.

Она сварила слишком много кофе точно так же, как продолжала варить слишком много пасты после того, как Эми переехала в Бостон.

Точно так же она продолжала покупать хлопья Кейт, потому что без коробки на полке кладовая выглядела неправильно.

Точно так же до сих пор держала под раковиной запасные зубные щетки, хотя теперь никто не забывал свою.

Она поставила кофейник обратно.

Потом взяла телефон.

Сначала Эми.

Четыре гудка, затем голосовая почта.

«Привет, это Эми. Оставьте сообщение, я перезвоню».

Голос дочери звучал бодро и по-взрослому. Она была занята, не доступна — просто где-то в своей жизни.

Диана едва не положила трубку.

Но раздался сигнал.

«Привет, милая. Это мама. Ничего срочного, просто хотела узнать, как ты. Надеюсь, неделя была не слишком сумасшедшая. Позвони, когда будет минутка».

Она замолчала.

Что еще?

Что можно сказать, чтобы не прозвучать нуждающейся?

«Люблю тебя», — добавила она.

И завершила звонок.

Несколько секунд Диана прижимала телефон к груди.

Глупый жест.

Никто не видел.

И все равно ей стало неловко.

Она открыла сообщения и написала Кейт.

Доброе утро. Как ты? Какие планы на сегодня?

Пузырек с тремя точками появился почти сразу.

Сердце Дианы подпрыгнуло с такой готовностью, что ей стало стыдно.

Потом пришел ответ.

Дел по горло. Потом созвонимся

Диана прочитала один раз.

Потом второй.

Дел по горло.

Потом созвонимся.

Сердечко.

Палец завис над экраном.

Она хотела написать: Конечно, милая.

Хотела: Позвони, когда сможешь.

Хотела: Я скучаю.

Вместо этого написала:

Не переживай. Люблю тебя.

Добавила сердечко, потому что Кейт добавила свое.

И несколько секунд смотрела на два сердца.

Кейт ее любила.

Эми ее любила.

Том любил ее своим практичным способом, который обычно выражался в проверке погоды и уровне бензина в баке.

Никто не был жесток.

Никто ее не наказывал.

Никто не хлопнул дверью и не оставил ее среди обломков.

Они просто жили.

Вот о чем матерей никто не предупреждает.

Не об уходе детей.

Не совсем.

О том, как нормально, правильно и естественно они становятся отдельными людьми.

Как дети могут вырасти, построить хорошие жизни и все равно оставить тебя на кухне с лишним кофе и без места, куда девать заботу, у которой раньше всегда был адрес.

Диана положила телефон на столешницу.

Снова посмотрела на кофейник.

Он все еще был почти полон.

На секунду она подумала выпить еще чашку.

А потом еще одну.

Будто вместе с кофе можно допить и собственную нужность, пока она не остыла.

Вместо этого Диана отнесла кофейник к раковине.

Кофе полился темной лентой.

Поднялся пар.

Запах заполнил кухню.

Расточительство, подумала она.

И чуть не рассмеялась.

Десятилетиями она вкладывала себя в чужие дни и ни разу не называла это расточительством.

А кофе?

За кофе полагалось испытывать чувство вины.

Последние капли закружились у слива.

Диана смотрела, пока они не исчезли.

Кухня после этого осталась прежней.

Те же чистые столешницы.

Тот же бледный утренний свет.

Те же две кружки у раковины.

Ничего не произошло.

Все просто выросли.

Том уехал играть в гольф.

У Эми была своя суббота.

Кейт была занята.

Дом был тихим, потому что никто не попал в беду.

Никто не был голоден.

Никто никуда не опаздывал.

Никто ничего не просил.

Диана стояла с пустым кофейником в руке.

Она сварила слишком много кофе.

И на одну странную, пугающую секунду задумалась, сколько еще себя по привычке отдает туда, где ее об этом уже никто не просит.

ГЛАВА 3. У каждого своя жизнь

К 9:37 Диана успела убрать кухню, которая и без того была чистой.

Дважды протерла столешницу.

Сполоснула раковину.

Сложила кухонное полотенце ровным прямоугольником и повесила на ручку духовки.

А потом встала посреди комнаты с пустыми руками.

Вот тогда день и стал опасным.

Не потому, что что-то случилось.

Потому что не случалось ничего.

Диана посмотрела на телефон на столешнице.

Новых сообщений не было.

Разумеется, не было.

Эми, скорее всего, была на йоге, на позднем завтраке или занималась какими-нибудь субботними делами, которыми занимаются молодые женщины в городах, где невозможно припарковаться и у всех почему-то холщовые сумки.

Кейт была занята.

Том играл в гольф.

А Диана в 9:38 утра стояла на кухне, одетая для жизни, которая не выдала ей ни одного поручения.

Она открыла холодильник.

Закрыла.

Открыла кладовую.

Закрыла.

Потом сняла с боковой стенки холодильника блокнот со списком покупок.

В нем было всего четыре пункта.

Молоко.

Яйца.

Средство для стирки.

Бананы.

Диана посмотрела на список с легким разочарованием.

Четыре позиции не оправдывали поездку в магазин.

Если только сама поездка не была нужна сильнее, чем продукты.

Она сняла блокнот и дописала:

Куриный бульон.

Бумажные полотенца.

Яблоки.

Крекеры Тома.

Задержалась.

И добавила:

Печенье.

Не потому, что дома требовалось печенье.

Просто Кейт обожала песочное с лимонной начинкой из магазина «Миллерс».

Диана несколько секунд смотрела на слово.

Печенье.

Кейт уже шесть лет не жила дома.

И все же Диана оставила его в списке.

По крайней мере теперь список выглядел солиднее.

Она сняла сумку с крючка у двери в гараж, надела бежевое пальто и вышла наружу.
Утро было прохладным и ясным.

Такое сентябрьское утро заставляет жителей Мэна заранее простить зиму, хотя та еще даже не успела начать угрожать.

Район уже проснулся.

Мужчина через два дома катил мусорный бак от дороги к гаражу.

Миссис Белл напротив стояла на подъездной дорожке в садовых перчатках и строго отчитывала куст.

Диана подняла руку.

Миссис Белл ответила тем же.

На секунду Диана почему-то надеялась, что соседка ее окликнет.

Попросит помочь что-нибудь донести.

Скажет про запись к врачу.

Попросит подвезти.

Пусть хоть что-нибудь.

Но миссис Белл снова повернулась к кусту.

Диана села в машину.

На пассажирском сиденье лежали только старый чек и зонт для гольфа Тома, который тот забыл, несмотря на то что подготовился ко всем возможным погодным катастрофам, кроме разве что библейского потопа.

Диана почти написала ему.

Ты забыл зонт.

Палец завис над экраном.

Потом она посмотрела на небо.

До вечера дождя не обещали.

Он справится.

Для такой мелочи эта мысль прозвучала неожиданно серьезно.

Он справится.

Диана положила телефон в подстаканник и выехала.

До «Миллерс» было десять минут, и за двадцать лет магазин почти не изменился. В том числе поэтому Диана его любила.

Старые полы.

В отделе овощей и фруктов едва заметно пахло яблоками и влажным картоном.

Над дверью каждый раз звякал все тот же уставший колокольчик.

В больших сетевых супермаркетах Диана чувствовала себя эффективной.

В «Миллерс» ей казалось, что ее помнят, даже люди, которые не знали ее имени.

Она взяла тележку, хотя хватило бы корзинки.

Первая ошибка ждала в отделе хлопьев.

Хлопья ей не были нужны.

Том теперь ел овсянку, потому что врач однажды произнес слово «холестерин» таким тоном, что Том внезапно заинтересовался клетчаткой.

Сама Диана редко ела на завтрак что-то кроме кофе и тоста.

И все же перед яркими рядами коробок она замедлилась.

Вот они.

Хлопья Кейт.

«Медовые квадратики».

Слишком сладкие, слишком дорогие. Кейт всегда ела их прямо из коробки, босиком стоя на кухне и одновременно уверяя всех, что совершенно не голодна.

Диана потянулась к ним раньше, чем успела подумать.

Коробка мягко шлепнулась в тележку.

И Диана замерла.

Женщина с малышом объехала ее сбоку.

«Извините», — мягко сказала женщина.

«Ой. Простите».

Диана отодвинула тележку.

Малыш держал плюшевого кролика за одно ухо и хныкал с упорством человека, которого жизнь глубоко разочаровала.

Его мать выглядела уставшей той особой материнской усталостью, при которой сон кажется воспоминанием из другой жизни.

Диана улыбнулась мальчику.

Тот посмотрел на нее с подозрением.

«Помню эти времена», — сказала Диана.

Женщина коротко рассмеялась. «Все время повторяю себе, что когда-нибудь буду по этому скучать».

«Будете», — автоматически ответила Диана.

И слова остались висеть между ними.

Женщина смотрела на нее, ожидая утешения.

Диана улыбнулась той улыбкой, которую ждут от женщин с уже взрослыми детьми.

Мудрой.

Мягкой.

Такой, словно весь хаос действительно стоил того, а память уже аккуратно отполировала самые острые края.

Женщина покатила тележку дальше.

Малыш уронил кролика.

Диана быстро нагнулась и подняла игрушку.

«Кролик!» — позвала она.

Женщина обернулась, одновременно благодарная и растерянная.

«Спасибо. Без обуви он, судя по всему, выживет. А вот без Банни — никак».

Диана протянула игрушку.

Мальчик тут же схватил ее и уткнулся лицом в истертую ткань.

На секунду Диана снова почувствовала себя нужной — здесь, сейчас, совершенно конкретно.

Маленькая, конкретная помощь — здесь и сейчас.

А потом они ушли.

Диана посмотрела в тележку.

«Медовые квадратики».

Куриный бульон.

Бумажные полотенца.

Яблоки.

Крекеры Тома.

Коробка хлопьев выглядела нелепо.

Диана почти вернула ее на полку.

Но поехала дальше.

У холодильников она взяла молоко, которое любил Том.

У хлебного стола выбрала тот хлеб с семечками на закваске, который обожала Эми, когда приезжала домой из колледжа. Он черствел слишком быстро и стоил дороже, чем вообще должен стоять хлеб.

У полки с печеньем Диана взяла лимонное песочное.

И застыла с упаковкой в руке, позволив себе вспомнить шестнадцатилетнюю Кейт: черная подводка, огромный свитер, два печенья за раз за кухонным столом и всем видом показывает, что разговаривать совершенно не собирается.

Диана всегда умела ее переждать.

Протирала столешницу.

Складывала белье.

Делала вид, что ничего не замечает.

Рано или поздно Кейт говорила: «Короче, кое-что случилось».

И Диана садилась.

Не слишком быстро.

Никогда слишком быстро.

Если сестра слишком быстро, подросток снова закрывается.

Диана положила печенье в тележку.

Горло сжалось.

Не настолько, чтобы заплакать.

Только чтобы напомнить: что-то внутри все-таки заметило.

Возле цветов она снова замедлилась.

Небольшой букет бледно-желтых тюльпанов склонился из металлического ведра у края прохода.

Практического смысла в них не было.

Бутоны уже начали раскрываться, а значит, простоят недолго.

Никто дома не просил цветов.

Диана коснулась одного лепестка тыльной стороной пальца.

Мягкий.

Нелепый.

Чуть помятый с краю.

На мгновение она представила эти цветы на кухонном столе.

Не к Пасхе.

Не к приходу гостей.

Не потому, что кто-то умер.

Просто так.

В этот момент мужчина потянулся мимо нее к букету роз в целлофане.

«Простите».

«Все нормально».

Диана отступила.

Палец соскользнул с тюльпана.

Она покатила тележку дальше.

За кассой сидела молодая девушка, новая.

Или просто новая для Дианы.

В волосах фиолетовые пряди, на ногтях маленькие серебряные звездочки.

«Все нашли?» — спросила она.

«Да, спасибо».

«У вас есть наша бонусная карта?»

Диана продиктовала номер телефона.

Девушка ввела его.

«Диана?»

«Это я».

Кассирша улыбнулась. «Мую маму тоже зовут Диана».

Диана улыбнулась в ответ. «Хорошее имя».

«Она говорит, имя звучит так, будто его хозяйка способна провести собрание родительского комитета, даже если собрания нет».

Диана рассмеялась.

По-настоящему.

Тихо, но по-настоящему.

«Возможно, она недалеко от истины».

Девушка улыбнулась шире и провела молоко через сканер.

«А вы тоже свое имя не любите?»

Вопрос был совершенно случайным.

Ничем.

Просто разговор между яйцами и бумажными полотенцами.

Но Диана почему-то не смогла ответить сразу.

Она не любила свое имя?

Или любила?

Когда ее в последний раз спрашивали мнение о чем-то, что принадлежало только ей?

Сканер пискнул.

Молоко.

Яйца.

Хлеб.

Хлопья.

Печенье.

Тюльпанов нет.

Девушка подняла глаза. «Простите. Странный вопрос».

«Нет», — сказала Диана. «Не странный».

Но так и не ответила.

На экране появилась сумма.

Диана заплатила.

Девушка протянула чек.

«Хорошего дня».

«И вам».

Это был самый длинный разговор Дианы с тех пор, как уехал Том.

На парковке она сложила пакеты в багажник.

Ветер бросил прядь волос ей на щеку.

Диана убрала ее за ухо и огляделась.

Люди двигались по своим субботам целеустремленно.

Мужчина нес цветы.

Подросток в красной толстовке балансировал двумя стаканами кофе со льдом.

Пожилая пара добродушно спорила, где они оставили машину.

Каждый будто был частью чьего-то еще дня.

Диана закрыла багажник.

Телефон завибрировал.

Сердце успело подпрыгнуть раньше, чем она остановила себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.